

Иногда Эрану удавалось забыть и почувствовать, что он больше не раб. Но всё портила Танару, везде и всюду следовавшая за ним. Её присутствие напоминало об ошейнике, сдавливавшем горло, и пьянящий запах свободы вмиг улетучивался, стоило ей оказаться в поле зрения Эрана.

По распоряжению Валтиатары первую половину дня он должен был ходить по домам влиятельных лоргатов и развлекать их танцами и ужимками, отыгрывая роль забавной зверушки, но всё оставшееся время принадлежало ему. Или почти всё.

Поначалу, когда смог подняться с кровати, Эран просто бродил по городу, впитывая каждый звук и запах. Город дышал жизнью, растворённой в камне и стекле. Там наверху, в резиденции Валтиатары, он казался переплетением тончайших кружев, но здесь — у подножия высоток — каждая клеточка тела трепетала под гнётом несокрушимой мощи. Вековечный бетон, неразрушимый плексигласс, прочные, как алмазы, окна, и мегалитические стены — исполины, подпирающие облака.

Ослепительная чистота каменных улиц и затопившая бессчётные балконы зелень обеспечивались трудом миллиарда рабов. Тем же трудом возводились здания, создавалась и ремонтировалась техника и обслуживался транспорт.

Танару научила Эрана пользоваться местными летающими капсулами, которые он про себя называл "флипперы". Внешне эти капсулы мало чем отличались от робота-болванчика, что провожал Эрана к Валтиатаре, но внутри они были оснащены специальной кабиной, где спокойно могли разместиться два лоргата. Чтобы воспользоваться "флиппером", достаточно было войти в кабину, сказать, куда ты хочешь попасть, и капсула безошибочно доставляла тебя по адресу. Конечно, за исключением тех мест, куда ход для раба был закрыт.

Маршруты, разрешённые Эрану исчерпывались коротким списком: дом очередного лоргата, библиотека, несколько столовых и развлекательных центров для рабов. Но и этого вполне хватало, чтобы постепенно узнавать мир и знакомиться с другими невольниками. Так, например, Эран постоянно обедал с друзьями и сородичами Валтиатары, принимавшими его довольно тепло, хотя и не без некоторого высокомерия.

Раса Танару называлась алогаты и происходила от общего с лоргатами предка. Более шестисот тысяч лет назад часть исследователей с Тарктана обосновалась на далёкой звезде, где им постепенно пришлось приспособливаться к совершенно новым условиям выживания. Много тысяч веков спустя лоргаты пришли войной к сородичам и поработили их. И вот уже три миллениума алогаты остаются рабами лоргатов.

— Неужели за три тысячи лет ваш народ ни разу не восстал? — спросил Эран, когда они с Танару были одни.

Танару ничего не ответила, но её пальцы до хруста в суставах сжали обод ошейника.

Проклятая железка!

Много раз, сидя в библиотеке, пока Танару отсутствовала, Эран самозабвенно искал способ снять ненавистный обруч. Все его поиски были тщетны — информацию такого рода не открывали рабам, а взломать систему с его уровнем знаний было невозможно. Когда Танару возвращалась, Эран вновь принимался за схемы, таблицы и тексты с описаниями Пределов Вечности.

Ни схемы, ни таблицы, ни описания ничего не проясняли. Эран понимал не больше, чем из

рассказов Танару. Он видел изображения переходов и комнат, а может быть каналов и озёр, а может это были своеобразные принципиальные схемы — все эти линии, перекрестья и геометрические фигуры ни о чём ему не говорили. В текстах и некоем подобии видеовставок рассказывалось о древних сооружениях, найденных археологами, об обломках статуй и фрагментах артефактов из айонита. Возраст находок редко был меньше полумиллиона лет. Эран уже не верил, что Пределы Вечности находятся на Земле.

Раньше ему не приходило в голову спросить Танару об этом, но однажды, разозлившись и отшвырнув очередную непонятную схему, он выпалил:

— Откуда вы знаете, что Пределы находятся в моём мире?

— Ниоткуда, — ответила Танару, — Так считают Сильвеноры.

— Кто?

— Помнишь женщину, которую пленили вместе с тобой? Она из расы Сильвенор. Сильвеноры давно ищут Пределы Вечности, впрочем, как и всякая раса, глубоко познавшая науку археологии. Многие сказки уже не кажутся таковыми, когда ты находишь следы технологий, до которых твоей цивилизации, как до ближайшей галактики...

Эран жестом остановил поток объяснений Танару:

— Та женщина? Могу я увидеться с ней?

— Увидеть её, — загадочно ответила алогата.

Им пришлось вернуться в зоопарк и спуститься на уровни, где Эран никогда не бывал. Он и не задумывался, что ниже его этажа может находиться ещё что-то. Здесь не было такого количества посетителей, да и экспонаты не отличались разнообразием. Унылую вереницу клеток и камер населяли апатичные, или же напротив — беснующиеся, антропоморфные создания, и клетка женщины-кошки ничем не выделялась среди остальных. Она была такой же, как клетка Эрана, с той лишь разницей, что к потолку поднимался ствол высокого сухого дерева, на одной из веток которого была устроена лежанка из прутьев и травы. Хозяйка лежанки валялась на полу среди мусора и объедков.

Она заметно растолстела в заточении и уже не носила ни юбки, ни нагрудной повязки. Голый круглый живот тяжело вздымался при каждом вдохе, обвислая грудь распласталась в стороны, а шерсть на руках и ногах свалилась. Теперь, когда Эран мог хорошо рассмотреть лицо женщины-кошки, оно стало ему неинтересно. Одутловатое, красное, полностью лишённое приятных черт. И вот это создание он защищал?!

Хотелось ударить кулаками в стекло, растормошить, разозлить эту сальную тушу! Но женщина-кошка сама открыла глаза.

Медленно, словно для каждого движения ей приходилось усиленно напрягать сознание, она поднялась и побрела к дереву. Постояв с минуту у ствола и бессмысленно пропялившись на свои когтистые пальцы, она уселась на пол, свесила голову на грудь и уснула.

— Что это с ней?

— Обратный эффект. Её посадили на ходжис — наркотик, что придаёт сил и ярости. Если принять пару раз, обратного эффекта не будет — разве что захочется подольше спать. Но если

принимать постоянно, и прямой и обратный эффекты будут усиливаться, пока однажды ты не превратишься в животное.

— Её уже не спасти?

Танару взмахнула пальцами перед губами. Эран знал этот жест. У алогатов он означал что-то вроде покачивания головой:

— Её нельзя было спасти с самого начала. У неё уже узнали всё, что могли. Скоро она умрёт. Сильвеноры никогда не были хорошими рабами, и развлекать публику не умеют. А содержать, как экспонат, существо, представителей вида которого насчитывается более тридцати миллиардов, — просто расточительно. Она не нужна лоргатам.

Эран почувствовал вину перед женщиной-кошкой. Словно это он был причастен к тому, что её схватили, словно он сделал недостаточно, чтобы её спасти.

— Идём отсюда, — бросил он и зашагал прочь. Алогата полетела за ним.

Молча они дошли до выхода с этажа, и тут Танару сказала:

— Зря ты жалеешь её. Ни одна сильвенора не стала бы тебя жалеть.

Эран замер на полушаге и обернулся с негодованием:

— Ты ведь рабыня, Танару! Как ты можешь не сочувствовать тем, кто находится в худшем положении!

Он отмахнулся от её слов, и не заметил, как Танару протянула и тут же отдернула руку.

Девять дней они везде были вместе, а на десятый Валтиатара вновь призвала его.

Он явился менее, чем через тридцать минут, тогда как в прошлый раз дорога до резиденции заняла целых два часа. Он думал это порадует Валтиатару, однако сегодня иммэ была не в духе. Не говоря ни слова она повела Эрана в спальню.

— В этот раз мы закончим начатое! — она грубо толкнула его на подушки и приказала раздеться.

Эран поспешно стащил с себя комбинезон, с опаской наблюдая, как яростно и сексуально разоблачается госпожа. Доспехи осыпались, словно вскрытый панцирь сверкающего лобстера, но под ними таилась не мягкая розовая плоть, а гранит напряжённых мускулов.

Величественной фурией Валтиатара застыла над Эраном:

— Я знаю, как рабы удовлетворяют похоть, — заявила она, — Я наблюдала... Но то, что я сейчас сделаю... — её взгляд скользнул по эрегированному члену, — То, что я сделаю...

Она присела на корточки и неподвижно уставилась на головку, будто пытаясь загипнотизировать. Эран боялся пошевелиться, но и лоргата превратилась в безмолвное изваяние. Её грудь лоснилась от пота, чуть покачиваясь в такт дыханию. Эран пытался сосредоточиться на этом зрелище, на двух мощных упругих сферах, слегка вытянувшихся под собственной тяжестью, увенчанных звездообразными сосками, но дотронуться, протянуть руку ему не хватало смелости. Всем повелевала госпожа, а госпожа сама, похоже, впала в ступор. Под её пристальным взглядом твёрдый багровый ствол начал потихоньку обмякать.

Валтиатара смешалась окончательно: орудие, сулившее столько удовольствий, на глазах съёживалось и превращалось в короткий сморщенный отросток.

— Как ты смеешь! — зашипела она и потянулась к талии, совсем позабыв, что сняла и доспехи, и комбинезон.

— Прости мою дерзость, иммэ! Но чего ты желала? Что хотела сделать?

Валтиатара снова замерла, зацепившись взглядом за отросток:

— Я хотела... я хотела... грязный раб!..

— Госпожа, — Эран приподнялся, — позволь продолжить с того, на чём мы остановились в прошлый раз.

Он мягко коснулся её руки и потянул на подушки. Валтиатара — великая госпожа — покорно легла рядом с "грязным рабом". Эран спустился к её промежности и погрузил язык во влажную щель. Сегодня следовало действовать осторожно, чтоб и самому успеть получить удовольствие.

Лоргата постанывала, движениями бёдер отвечая на его неспешные ласки, сминая и поглаживая свою грудь.

Эран понял, что Валтиатара готова, когда плавные фрикции её широких бёдер сменились яростными рывками. Он поднялся над госпожой, одной рукой упираясь меж двух правых рук, другой вводя вновь напрягшийся член.

Погружение в Валтиатару едва не заставило его разрядиться. Тысячи пупырышек, которые в прошлый раз он почувствовал пальцем, охватили головку и ствол, пробегая щекочущими спазмами удовольствия. Плотное узкое влагалище сжималось всё туже при каждом движении, заставляя Эрана напрягать все силы, чтобы не кончить раньше госпожи.

А госпожа неистовствовала. Она терзала свою грудь и сжимала ягодицы Эрана, подталкивая его к себе, направляя его движения. Она стонала, хотя стоны её больше походили на рык, и запрокидывала голову, как кошка жмуря глаза. Она требовала ускорить темп, и Эран ускорял, чувствуя бешеные пульсации коллапсирующего влагалища.

Валтиатара кончила, безумно выгнув шею и исторгая раскатистое "ыыыы" сквозь оскаленные зубы. Она чуть не сбросила Эрана, но Эран не остановился. Ему не хватило совсем немного, и он продолжал вонзаться в туго сжавшуюся пульсирующую плоть, придумывая проклятья для всех местных богов, которые так жестоко подшутили над ним во второй раз.

— Стой, стой. Хватит, — руки госпожи скользили по его лицу.

Может она и правда хотела, чтобы он прекратил, но её мягкой настойчивости было слишком мало для этого. Валтиатара открыла глаза. Ладони верхних рук сжимали его напряжённые скулы, нижние руки безвольно распластались по шкурам, а ноги подрагивали от каждого убийственного толчка. Эран видел, как слёзы выступают у неё на глазах, как в уголках губ расцветает улыбка.

— Госпожа! О, госпожа! — напряжение, копившееся в нём с момента пленения, достигло предела.

— О, Эран! Эран! Молю тебя! Кончай...

И он кончил, словно выстрелил из пушки, затапливая тысячи чувствительных сосочков залпами раскалённого семени. Последний раз он так кончал с Агатой, и кажется даже не понимал, насколько нуждался в подобной разрядке.

Валтиатара впитывала каждое его содрогание, каждое движение мускулов на лице.

— Молю о прощении, иммэ, — прошептал он, вынимая содрогающийся член и откатываясь в сторону, — Я не должен был мучить тебя.

— Эран, — она накрыла его лицо ладонью, — я рада, что ты не повиновался. Мне было приятно чувствовать, как ты кончаешь, хотя ты и уродлив, как козару. Я так давно не доставляла удовольствие мужчине, что уже и забыла, как это приятно.

— Милость твоя безгранична, иммэ, — Эран поцеловал её запястье, Валтиатара дрогнула и погладила его чисто выбритый подбородок:

— Когда мы одни, разрешаю не соблюдать этикет. И только когда мы одни, разрешаю звать меня Вал. Так ко мне обращался мой муж... когда-то... — она откинулась на подушки и прикрыла глаза: — Сегодня был паршивый день. Но как прекрасно он завершается.

Эран в странном смятении рассматривал Валтиатару. Опустошённый, обескураженный тёплым отношением госпожи, он не мог собрать воедино всё, о чём она говорит, и потому пытался собрать воедино то, о чём говорит её тело.

Длинный шрам на лице был не единственным шрамом Валтиатары. Множество мелких рубцов и белёсых полосок покрывали бледную кожу. Шрамы на груди и под грудью, на руках, на животе... От нижней границы рёбер к спине тянулась рваная борозда — кто-то выдрал у великой госпожи солидный кусок мяса. Бедро и часть ягодицы пестрели рисунками старых ожогов.

Эран провёл ладонью по её бедру, и Вал вздрогнула от этого прикосновения, словно он мог тем самым прочесть её мысли.

— Иммэ, я многого не знаю о вашем мире. Будь милостива, не гневайся на своего раба, если мой вопрос оскорбит твой слух. Почему за три тысячи лет алогаты ни разу не восстали?

— Ни разу? — Валтиатара усмехнулась, — О, нет. Они восставали. Сотню раз. Но всё это оканчивалось ничем. Мы просто истребляли бунтовщиков — всех до единого. Это не так уж сложно, когда знаешь обо всём наперёд. А мы всегда знаем, Эран. Всегда!

Вал замолчала, ожидая, что он спросит, откуда лоргаты всегда всё знают, но Эран глупо таращился на неё, и она продолжала сама:

— Злейший враг раба, мечтающего о свободе, — раб, который мечтает стать господином. Так всегда было, и будет впредь. Помни об этом, Эран. Помни, когда мы покорим твой мир, когда каждый из вас, ирсов, станет рабом. Будешь ли ты господином над своими сородичами, или ляжешь под ноги одному из них? — она повернулась к Эрану, её жёлтые глаза пылали адским огнём: — Найди Пределы Вечности, и я сделаю тебя богом! Ты станешь господином наравне с лоргатами, и подчиняться будешь только мне. Вот она — твоя свобода, Эран! Нет! Это больше, чем свобода.

Ночью Эран думал о словах Валтиатары, о власти, которую она сулила, о том, как сложится его судьба с приходом лоргатов на Землю.

Сколько времени есть у его мира, когда начнётся вторжение? Может оно уже началось?

Эран думал о том, что выхода нет, о том, что всегда найдётся предатель. Уж на Земле — на Ирсе, как её тут называли, — предатель обязательно найдётся. Продаст все шесть континентов, чтобы самому царствовать над землянами. Так и будет. А как иначе, если даже без лоргатов люди продают людей, обрекают их на голод и нищету... Так почему бы Эрану не стать властелином? Самому не занять место, на которое не будет отбоя от желающих?

Он снова вспомнил Агату и удивился тому, что сердце больше не щемит. Он подумал о ней не как об утраченной любви, не как о девушке, которая его бросила, а как о человеке, об ирсе, о соплеменнике. Став господином, он мог бы её спасти, уберечь ото всех уготованных лоргатами бед. Мог бы даже сделать её своей рабыней, чтобы она никогда ни в чём не нуждалась.

Щемящее чувство вернулось. Агата-рабыня предстала перед ним так чётко и ясно, словно уже была здесь, в этой клетке: высокая, стройная, в сером облегающем комбинезоне, подчёркивающим совершенство её фигуры. И с чёрным металлическим обручем, сомкнувшимся на тонкой нежной шее. Этот обруч...

Эран нащупал такой же на себе. Агата сделала то же самое. Её пальцы пролезли под сверкающий обод и дёрнули изо всех сил — ошейник лопнул и со звоном упал на камни. Хрустнули суставы в пальцах — Эран отпустил холодный металл. Агата исчезла — свободная и непокорённая, а он остался в клетке — разбитый и ненавистный самому себе.

<http://tl.rulate.ru/book/4490/169856>